

ВОЙНА И МЫ

ГЕННАДИЙ КРЕТИНИН

БИТВА ЗА КЁНИГСБЕРГ

**Восточно-Прусская кампания
1944-1945 гг.**

Война и мы

Геннадий Кретинин

**Битва за Кёнигсберг. Восточно-
Прусская кампания 1944–1945 гг.**

«Яуза»

2022

УДК 93/94
ББК 68

Кретинин Г. В.

Битва за Кёнигсберг. Восточно-Прусская кампания 1944–1945 гг. /
Г. В. Кретинин — «Яуза», 2022 — (Война и мы)

ISBN 978-5-00155-551-3

Книга доктора исторических наук Г. В. Кретинина восстанавливает ход Восточно-Прусской кампании 1944-1945 гг.: от прорыва войск 3-го Белорусского фронта И.Д. Черняховского на территорию Восточной Пруссии - Гумбинненской наступательной операции 16-30 октября 1944 г., Инстербургско-Кёнигсбергской операции, разгрома Хайльсбергской и Кёнигсбергской группировок немцев до штурма города-крепости Кёнигсберг, ликвидации Земландской группировки и овладения косой Фри-ше-Нерунг, где сопротивление Вермахта продолжалось до 9 мая 1945 г. Издание иллюстрировано цветными схемами боевых действий. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 93/94

ББК 68

ISBN 978-5-00155-551-3

© Кретинин Г. В., 2022

© Яуза, 2022

Содержание

Необходимое предисловие	6
Введение	7
Начало истории	7
Восточная Пруссия как театр войны и преддверие краха	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Геннадий Кретинин

Битва за Кёнигсберг. Восточно- Прусская кампания 1944-1945 гг.

Рецензенты:

Кикнадзе В.Г., доктор исторических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, полковник в запасе, г. Москва;

Крылов В.М., доктор исторических наук, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, действительный член Российской академии ракетных и артиллерийских наук, полковник в отставке, г. Санкт-Петербург;

Шевчук А.Б., доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук РФ, генерал-лейтенант инженерных войск в отставке, г. Москва.

Фотография на обложке: © Дмитрий Чернов/РИА Новости.

© Кретинин Г.В., 2022

© ООО «Яуза-каталог», 2022

Необходимое предисловие

Вооруженная борьба в Восточной Пруссии в 1944-1945 гг. являлась не просто комплексом боевых операций советских войск против вермахта. Это была военная кампания заключительного этапа войны, причем одна из самых продолжительных (с осени 1944 и до весны 1945 г.), потребовавшая привлечения большого количества войск, личного состава и техники. Кампания намечалась советским командованием с решительными целями, заключавшимися в разгроме противостоящего противника, уничтожении его основных сил и средств и выходе на морское побережье.

Квинтэссенцией вооруженного противостояния двух крупных вооруженных группировок в северной части юго-восточной Прибалтики стала битва за Кенигсберг.

Подобное название во многом ассоциируется с другой стратегической целью, решившей исход войны, – битвой за Берлин. Тем более что оба топонима в общественном сознании объединяет психолого-политическая сущность: Кенигсберг – город, с которого пошла Пруссия, столичный центр, Берлин длительное время был главным городом и столицей герцогства, королевства, империи. Наконец, финал войны отмечен учреждением в СССР двух медалей: «За взятие Берлина» и «За взятие Кенигсберга».

Естественно, и для немецкого, и для советского командования эти два топонима имели особое значение.

Первой в очереди на взятие оказалась региональная столица. Именно на пути к ней советские войска в августе 1944 г. вышли к границе восточной провинции Германии – бумеранг войны не просто вернулся, но и поразил агрессора. Завершились обе операции одновременно, с окончанием Великой Отечественной войны 9 мая 1945 г.

Несмотря на то что стратегически, географически, хронологически бои за обладание Кенигсбергом (наиболее распространенный термин – штурм Кенигсберга) являлись и в историческом плане являются, собственно говоря, частью Восточно-Прусской стратегической наступательной операции 1945 г., проблема взятия исключительно важного в политическом значении военного объекта была и остается в центре внимания военно-исторической науки, калининградского социума, исследующих всю восточно-прусскую кампанию 1944-1945 гг.

Именно поэтому весной каждого года калининградцы отмечают два события: штурм Кенигсберга (как генеральную репетицию) – 9 апреля и День Победы – 9 мая.

Важнейшая же цель предстоящих боев в Восточной Пруссии, как военная, так и политическая, – «битва за Кенигсберг» – была обозначена, и войска приступили к ее достижению еще осенью 1944 г.

Введение

Начало истории

Территория бывшей Восточной Пруссии и судьба населявших ее народов имеют сложную, подчас драматичную историю. Естественно, большая часть этой истории (свыше семи веков) принадлежит немецкому народу, но весомым оказывается влияние на развитие региона и поляков, литовцев, шведов. Восточная Пруссия играла значимую роль и для россиян.

Начиналось же все в первой трети XIII в., когда на берега Вислы пришли тевтонские рыцари. В борьбе с прусскими языческими племенами (тяжелой, продолжительной, с многочисленными жертвами, особенно среди местного населения) тевтонам удалось закрепиться в междуречье Вислы и Немана.

Было создано государство, длительное время остававшееся территориально изолированным от германского мира. Дискретное состояние было ликвидировано королем Фридрихом II, при котором за счет территории, полученной Пруссией в результате раздела Польши в 1772 г., было создано единое в территориальном отношении государство. Собственно говоря, с этого момента на карте Европы и появился географический и политический термин – Восточная Пруссия.

Судьба этой провинции оказалась незавидной. После наполеоновских войн на протяжении целого столетия провинция имела возможность жить и развиваться в составе единого государства. Но именно в этот, на первый взгляд, – самый плодотворный период существования провинции в руководстве прусского государства, а затем и Германской империи зримо проявилось жертвенное отношение к ее (провинции) судьбе.

Впрочем, впервые такое отношение было продемонстрировано во время Семилетней войны 1756-1763 гг. самим Фридрихом II, который, направляя в 1762 г. своего посланника к российскому императору Петру III на переговоры с просьбой о мире, инструктировал его: «Если они (российские власти. – Г. К.) захотят удержать за собой Пруссию (провинцию. – Г. К.) навсегда, то пусть они вознаградят меня с другой стороны» [68, с. 320].

В XIX в. жертвенная роль Восточной Пруссии еще больше возросла. Во второй половине этого века в провинции начинается крупное оборонительное строительство. К концу века и в начале следующего по мере формирования идеи «блицкрига» – молниеносной войны германский Генеральный штаб откровенно заявляет, что в определенных условиях Восточной Пруссией можно пожертвовать [139, с. 173].

Следует заметить, что более «последовательным» в отношении к судьбе Восточной Пруссии оказался Гитлер, который не воспринимал идеи оставления провинции в ходе боевых действий. Собственно говоря, какой-либо роли в ходе завершающего этапа войны это требование Гитлера не сыграло, только принесло дополнительные жертвы и лишения немецкому населению провинции.

Когда перед Красной армией в 1944 г. встала проблема переноса военных действий на территорию Восточной Пруссии, советский пропагандистский аппарат использовал в своей деятельности исторические параллели, акцентируя внимание красноармейцев на попытках некоторых немецких кругов реализовать планы экспансии на восток. Поэтому и стали популярными эпитеты, применявшиеся при упоминании названия немецкой провинции. Это «гнездо милитаризма», «плацдарм агрессии», «фашистская твердыня и т. д.

Однако приписывать авторство этих терминов пропагандистскому аппарату Красной армии было бы не совсем верно. Задолго до появления Восточной Пруссии в планах советского военного командования подобные характеристики этой территории уже существовали в меж-

дународной практике. Имели распространение, например, в Польше задолго до 1945 г. Так, в меморандуме министра юстиции эмигрантского правительства Польши М. Сейды (сентябрь 1943 г., Лондон) Восточная Пруссия характеризовалась как германская провинция, «представляющая *плацдарм для вылазок* (курсив мой. – Г. К.) против Польши и земель восточнее Германии вообще» [119, с. 31].

Как показал опыт боев в Восточной Пруссии, подобные характеристики оказались верными. Однако впоследствии, через несколько десятков лет, термин, сравнивающий Восточную Пруссию с «плацдармом агрессии», приобрел политическое звучание. Провинция же стала объявляться жертвой комплексного воздействия идей нацистского руководства и тех, кто вторгся на ее территорию с оружием в руках, впрочем не вдаваясь в подробности того, почему в 1944 г. на территории Восточной Пруссии оказались советские солдаты [169; 167; 165; 42 и др.].

Между тем территория Восточной Пруссии имела полное право называться военным плацдармом Германии или Пруссии – и именно против России. С одной только уточняющей деталью: в разное время это был плацдарм оборонительный или наступательный. Так, восточная провинция прусского королевства использовалась еще Фридрихом II для оказания военного давления (путем возможного дефилирования из нее экспедиционного корпуса в Прибалтику) на Петербург перед Семилетней войной 1756-1763 гг. Территория Восточной Пруссии оказалась весьма удобной для сосредоточения Великой армии Наполеона для похода в Россию в 1812 г. В 1914 г. это был ярко выраженный оборонительный плацдарм против России, призванный сдержать наступление русских армий до того момента, когда германские войска одержат успех на Марне.

Восточная Пруссия как театр войны и преддверие краха

Под театром военных действий, как правило, понимается обширная территория части континента, омываемая морями и воздушным пространством над ней, в пределах которых разворачиваются стратегические группировки вооруженных сил и могут вестись военные действия стратегического масштаба [см., напр.: 33, с. 633].

Такой характеристике в полной мере отвечала и территория Восточной Пруссии. После Первой мировой войны эта провинция, представлявшая собой северо-восточную часть Германии, была отделена от основной территории государства так называемым Данцигским коридором.

Восточная, южная и западная границы Восточной Пруссии в межвоенный период граничили с Литвой, Польшей и Белорусской ССР и являлись сухопутными, имеющими общую протяженность 700 км. С северо-запада Восточная Пруссия омывалась Балтийским морем, которое у берегов образовывало два крупных залива – Куриш-Гаф и Фришесс-Хафф, отделенных от моря длинными узкими косами. На побережье Балтийского моря Восточная Пруссия обладала рядом крупных торговых и военно-морских портов – Мемель, Лабиау, Кенигсберг, Пиллау, Данциг и др.

По устройству поверхности эта страна представляла собой слабо всхолмленную равнину, имеющую общий уклон в северо-западном направлении к Балтийскому морю.

К югу местность приобретала более холмистый характер, где отдельные холмы достигали 15-25 метров высоты с крутизной скатов до 10-15^Q. Понижения между холмами нередко были сильно заболоченными и являлись труднопроходимыми для всех родов войск.

Наиболее крупными болотными участками являлись два урочища: Большой Кашен-Балис (22 кв. км) и р. Гросс Шореллер Плинис (17 кв. км), залегающие по левому берегу р. Шещупа в ее нижнем течении, а также большие заболоченные пространства в нижнем течении р. Неман и р. Висла (в районе Эльбинг). Однако вследствие больших мелиоративных работ, проведенных на болотных массивах Восточной Пруссии еще до 1936 г., значительная часть их была совершенно осушена и превращена в луга и пастбища. Все эти болотистые пространства имели густую сеть каналов и осушительных канав со стоком воды в реки, озера и заливы.

Юго-восточный угол Восточной Пруссии по устройству поверхности резко отличался от остальной территории провинции и представлял собой часть Обер-ландской возвышенности. Здесь, особенно в области Мазурской возвышенности, рельеф местности весьма разнообразный: значительные озерные пространства чередовались с высокими холмами с крутыми покрытыми лесом скатами. Межозерные дефиле, как правило, представляли собой узкие перешейки, отделяющие два соседних озера одно от другого, в то же время узкие проливы часто соединяли несколько озер в один крупный водный бассейн.

Наиболее характерной в этом отношении являлась область Мазурских озер, расположенных в районе Ангербург, Николайкен, Летцен, Ликк. Почти все озера Восточной Пруссии были ледникового происхождения, с глубиной от 6 до 30 метров.

Территория провинции имела весьма развитую речную сеть. Реки в большинстве своем извилистые, короткие, неглубокие, в значительной степени отличались быстрым течением и песчано-каменистым дном.

Наиболее значительными были: Неман, Прегель, Ангерапп, Писса, Алле и др.

Самую мощную водную артерию Восточной Пруссии представляла река Неман, начинавшаяся на Среднерусской возвышенности и впадавшая в Балтийское море в районе Мемеля.

Река достигала 400 метров ширины и от 1,5 до 5 метров глубины. В силу своих природных свойств она являлась мощной водной магистралью, находилась в хорошем состоянии, вследствие чего была судоходной на значительном протяжении и в среднем и нижнем течении бро-

дов не имела. Во многих местах Неман перекрывался плотинами и шлюзами, регулирующими уровень воды и обеспечивающими работу гидроэлектростанции. Крутость берегов и быстрота течения представляли серьезное препятствие при форсировании реки.

Река Прегель, впадавшая в залив Фришесс-Хафф в районе г. Кенигсберг, являлась также мощной рекой, достигавшей на отдельных участках до 100 метров ширины и от 1,5 до 3 метров глубины. Эти свойства реки обеспечивали судоходство на всем ее протяжении от Инстербурга до Кенигсберга. В устье реки в г. Кенигсберге имелись военно-морской и торговый порты, связанные морским каналом с портом Пиллау, выводящим морские суда в Балтийское море.

Слева р. Прегель принимает три значительных притока: Ангерапп, Алле и Писсу.

Река Ангерапп течет на север, отличается большой извилистостью, достигает ширины 20-30 метров и глубины от 0,5 до 1,2 метра. Высота ее берегов доходит до 3-5 метров. Серьезным препятствием при форсировании река являться не может.

Река Писса имела ширину не более 10 метров и глубину от 0,5 до 1,2 метра, высота берегов не превышала 10-15 метров.

Река Алле начиналась в районе Мазурских озер, отличалась быстрым течением и крутизной своих берегов. Ширина ее в среднем не превышала 10-15 метров. В среднем и нижнем течении реки пеших бродов не было. Благодаря своим особенностям река Алле представляла серьезную преграду.

В устьях рек Неман и Прегель нередко происходили наводнения из-за прилива морской воды в результате действия западных ветров, причем достаточно подъема воды на 0,5 метра, чтобы произошло усиленное заболачивание прилегающей местности.

Все реки Восточной Пруссии зимой покрываются льдом, однако на некоторых из них часто происходят резкие подъемы воды, так, например, на р. Неман в районе Каунаса подъем воды зимой нередко достигает 6 метров и сопровождается ледоходом.

Эти две реки, текущие с востока на запад, являлись не только серьезными водными преградами, но и играли роль флангового прикрытия войск при развертывании операции на территории Восточной Пруссии в сторону флангов.

Что касается характера почв на территории Восточной Пруссии, то они в большинстве представлены в виде легких суглинков и супесков, местами прикрыты тонким слоем чернозема, проходимость которого в сухое время года вполне удовлетворительная, но с выпадением осадков, особенно зимой и осенью, резко ухудшалась в связи с образованием липкой грязи.

Принеманская равнина в основном покрыта подзолистыми суглинками, отличающимися плохой фильтрацией вследствие близкой проходимости грунтовых вод, что вело к быстрому заболачиванию низменности при значительных атмосферных осадках. Однако в районах пересеченной местности, покрытой суглинками, застоя осадков не бывало, и заболачивание происходило только в низинах и впадинах, где собиралась вода.

Кроме того, некоторые районы Восточной Пруссии были покрыты песчаными почвами ледникового происхождения, а также значительные пространства у берегов Балтийского моря затягивались песчаными дюнами.

Почти все болотистые участки были покрыты слоем торфа мощностью от 0,5 до 1,2 метра и заняты под торфоразработки.

Территория Восточной Пруссии облесена (засажена лесом. – Г. К.) значительно беднее советской приграничной полосы. Крупные лесные массивы на севере находились в трех-четырёх местах на участке от Юрбурга до Рагнита, у берегов Куриш-Гаф, а также по побережью Балтийского моря. В центральной части страны лежал крупный лесной массив Штаатс Форет Тцуллкиннен, занимающий площадь около 125 кв. км. В юго-восточной части в области Мазурских озер также располагалось несколько лесных массивов, наиболее крупными из них являлись: лес Штаатс Форет Роминтен (западнее озера Виштитер Зее) и лес Штаатс Форет Бор-

кен (западнее озера Хаатнер Зее). Леса в Восточной Пруссии занимали 18% всей территории [45, с. 32].

Леса Восточной Пруссии в основном смешанные. Хвойные породы были хорошим средством укрытия, но затрудняли продвижение войск не только ночью, но и днем, так как большинство лесных участков было сильно заболочены.

Кроме того, отмечалось обилие искусственных древонасаждений и фруктовых садов по всей территории Восточной Пруссии. Все шоссейные, грунтовые и железные дороги, как правило, были обсажены аллеями из лиственных деревьев, которые в значительной степени являлись маской и затрудняли наблюдение.

К началу Второй мировой войны в силу периферийности и не очень благоприятных по сравнению с другими немецкими землями природных условий Восточная Пруссия оказалась аграрно-индустриальным регионом Германии.

Степень аграрного использования земель была очень высокой. Сельскохозяйственные угодья северной части Восточной Пруссии в 1939 году занимали 67% ее территории. Они были полностью мелиорированы с широким использованием закрытого дренажа. Постепенно усиливалась животноводческая специализация на молочно-мясном скотоводстве и свиноводстве. Но, несмотря на это, урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства были не слишком высокими в сравнении с другими землями Германии. Так, урожайность зерновых составляла 17-20 ц/га, но уступала урожайности в Западной Германии. Средний годовой сбор ржи составлял 9% общегерманского сбора, ячменя – 7,5, овса – 7%, картофеля – 6, пшеницы – 5%. При этом из Восточной Пруссии вывозилось в другие районы в среднем около 15% всей продукции. Большая часть сельскохозяйственной продукции потреблялась в самой провинции и поступала в Берлин и северо-восточные районы рейха [45, с. 60].

Таким образом, существующее до сего времени в Калининградской области бытовое утверждение о том, что Восточная Пруссия могла прокормить всю Германию, явно далеко от истины.

Промышленность Восточной Пруссии была развита слабо. Несмотря на рост промышленного потенциала провинции в 1933-1939 гг., ее удельный вес в общегерманской промышленной продукции в ценностном отношении немногим превышал один процент. К 1939 г. количество промышленных предприятий в Восточной Пруссии составило 85 тыс., подавляющее большинство которых были мелкими, ремесленного типа с числом работающих до 10 человек. Все крупные промышленные предприятия были сосредоточены в городах: в Кенигсберге – машиностроительные заводы «Оренштайн» и «Коппель», судостроительный завод «Шихау», авиазавод, вагонзавод «Штайнфурт», в Тильзите и Мемеле – целлюлозно-бумажные фабрики, в Эльбинге – судостроительные заводы «Шихау» и «Комник», в Мариенбурге – самолетостроительный завод «Фокке-Вульф», в Мариенвердере – авиазавод [45, с. 61].

После 1939 г. производство из других частей рейха перебазировали в Восточную Пруссию в связи с тем, что здесь заводы до середины 1944 г. находились в меньшей опасности от воздушных налетов. Уже в 1938 г. 20% немецкой целлюлозы производилось в Восточной Пруссии (Кенигсберг, Тильзит, Мемель, Велау).

Введение в строй новых производственных мощностей потребовало от провинции увеличить производство электроэнергии. Если в 1932 г. Восточная Пруссия потребляла 74 миллиона кВт/ч, то в 1937 г. – уже 162 миллиона кВт/ч. Мощные электростанции действовали в Кенигсберге, Эльблонге и Фридланде. В сельской местности все большее применение находили электрические плиты. Позитивным моментом являлись широкое использование средних и малых гидроэлектростанций и независимость восточно-прусской электроэнергетики от соседних стран. Однако годовое потребление электроэнергии в расчете на душу населения в провинции заметно отставало от других регионов рейха (115 кВт/ч против 430 кВт/ч в среднем по Германии) [166, S. 97].

Железнодорожная сеть Восточной Пруссии являлась первоклассной как по густоте, так и по устройству и оборудованию. Она в три раза превышала сеть польских железных дорог и Западной Белоруссии вместе взятых. Для сравнения: на 10 000 жителей провинции приходилось 17,5 км железнодорожных линий, по всей Германии этот показатель составлял 12 км. Учитывая слабое развитие промышленности в провинции, исследователи делали вывод, что железнодорожное строительство в Восточной Пруссии велось преимущественно в военных целях [45, с. 38].

Движение поездов отличалось большой скоростью. Так, автомотрисы [железнодорожный вагон с собственным двигателем, см.: 91, с. 19] проходили в час до 130 км, а пассажирские поезда – до 60 км. Весь железнодорожный парк был оборудован автосцепкой.

Все дороги Восточной Пруссии построены радиально, что особенно удобно в использовании железнодорожной сети, так как любой участок железной дороги мог играть по отношению к другому участку фронта роль рокады и коммуникации. 85% станций представляли собой высокоразвитые железнодорожные узлы.

Таким образом, железнодорожная сеть Восточной Пруссии являлась фактором усиления обороны противника, так как позволяла ему производить оперативные перевозки в крупных масштабах и с большой скоростью.

Существующая сеть шоссейных дорог Восточной Пруссии отличается чрезвычайной густотой и разветвленностью. Все дороги государственного класса автострадного типа, как, например, Гумбиннен – Кенигсберг, Кенигсберг – Эльбинг, имели большую мощность, и ширина их доходит до 6-7 метров. Как правило, шоссейные дороги имели прочное асфальтированное или каменное покрытие, являясь устойчивыми и проезжими в любое время года. Отличительной особенностью всех дорог Восточной Пруссии являлась их обсадка лиственными деревьями [71, с. 21].

В климатическом отношении эта страна относится к области умеренно теплого климата. Резкие складки местности не нарушают однородности климата, который регулируется близостью Атлантического океана и непосредственным соседством Балтийского моря. Количество атмосферных осадков доходит до 680 мм в год. Ветры – юго-западного и западного направления, со скоростью от 1 до 5 м/с. Количество ясных дней, когда стоит сплошной солнечный прожог, доходит до 70 в год, и все они приходятся на летний период.

Осень очень короткая, не более двух месяцев, начинается со второй половины сентября и заканчивается в первой половине декабря; теплая, со средней температурой от +2 до +5 °С. Дней с заморозками не бывает.

Зима также короткая и не превышает двух месяцев. В первой декаде марта ликвидируется снежный покров и реки очищаются ото льда.

Зима характеризуется незначительным снежным покровом, пасмурными днями и частыми оттепелями. Достаточно сказать, что в теплые зимы снежный покров лежит не более 10-12 дней. Наиболее устойчивый снежный покров наблюдается в области Мазурских озер, где он обычно лежит с конца декабря до первой половины марта. Максимальная высота снежного покрова – 40 см. Особенно неустойчив снежный покров на побережье Балтийского моря. В общем на территории Восточной Пруссии от трех до пяти зим из десяти вовсе не имеют снежного покрова, необходимого для установления санного пути. Наиболее длительным является лето, которое продолжается от 5 до 6 месяцев [71, с. 21].

По количеству населения Восточная Пруссия относилась к числу густонаселенных провинций. На 1 кв. км приходилось 70-80 человек. Есть данные, что перед войной здесь проживало 2 385 000 человек [168, S. 21].

По национальному составу население этой страны являлось однородным: 95% – немцы, 5% – люди польской и литовской национальностей, из них 75% – лютеране и 25% – католики.

Три четверти всего населения (76%) было занято в сельском хозяйстве, и только около 24% – в промышленных и других учреждениях. В связи с этим 70% населения жило в населенных пунктах сельского типа, остальные – в городах.

Густота расположения населенных пунктов здесь большая: на каждые 100 кв. км приходилось 10-12 населенных пунктов со средним количеством жителей 290-350 человек в каждом.

Наиболее крупными городами Восточной Пруссии являлись: Кенигсберг, Инстербург, Гумбиннен, Тильзит, Эльбинг, Пиллау, Хайльсберг, Фридланд, Гольдап, Летцен, Алленштайн и др.

Что касается аэродромной сети Восточной Пруссии, то она была достаточно развита и включала в себя 10 крупных аэропортов, которые не маскировались, а только прикрывались с воздуха. Это были стационарные сооружения, приспособленные для приема одновременно нескольких авиационных соединений и частей. Некоторые аэродромы, не имеющие бетонных посадочных площадок, в весенний период были ограниченно годными. В конце войны немцы стали расширять свою аэродромную сеть, причем все аэродромы строились в северной части Восточной Пруссии, так как природные условия южных областей не благоприятствуют развитию аэродромной сети.

Основными операционными направлениями в Восточной Пруссии являлись:

1. северное – Тильзит, Лабиау, Кенигсберг, общей протяженностью до 90 км;
2. центральное – Гумбиннен, Инстербург, Кенигсберг, протяжением до 150 км;
3. юго-восточное – Летцен, Хайльсберг, Браунсберг, длиной до 200 км.

Все эти направления отличались наличием минимум одной коммуникации и нескольких рокадных дорог.

Наиболее трудными из этих направлений для наступающих являлось юго-восточное, где войскам необходимо было преодолевать ряд крупных естественных препятствий в виде больших лесных массивов, рек и обширной системы Мазурских озер.

На каждом из этих направлений, как показал опыт боев, могло быть развернуто и одновременно действовать две-три армии. Основными опорными пунктами на этих направлениях являлись Тильзит, Гумбиннен, Гольдап, Инстербург, Прейсиш-Эйлау, Летцен, Хайльсберг, Цинтен, Мельзак, Вормдигт, Браунсберг, Хайлигенбайль и крепости Кенигсберг и Пиллау.

Вся территория Восточной Пруссии по характеру своего рельефа и по другим географическим признакам одинаково удобна как для организации обороны, так и для наступательных действий крупных войсковых соединений [71, с. 21-22].

Наступило лето 1941 г. В соответствии с директивой по стратегическому развертыванию немецких войск для ведения войны против СССР, известной как план «Барбаросса», в Восточной Пруссии была сосредоточена группа армий «Север», имевшая задачу уничтожить находившиеся в Прибалтике советские войска и овладеть портами Балтийского моря, в т. ч. Ленинградом и Кронштадтом [39, с. 589]. Как отмечал позднее К. Типпельскирх, «группа армий «Север» в составе двух армий и одной танковой группы – всего двадцать пехотных, три моторизованных и три танковых дивизии – была самой слабой из трех групп армии» [цит. по: 147, л. 178].

Однако подобная «слабость» была понятием относительным. Территория Восточной Пруссии стала базой для сосредоточения группировки войск вторжения численностью около 700 тыс. человек, имевшей на вооружении 12 тыс. орудий и минометов, 1500 танков и 1200 самолетов [15, с. 35].

Но военный плацдарм – это не только территория для сосредоточения войск. По военным канонам, она должна быть соответствующим образом подготовлена не только для такого размещения, но и для ведения боевых действий. Во второй половине XIX в. в полной мере шло военно-инженерное оборудование территории: возводились крепости и форты, местность приспособлялась к ведению боевых действий, прокладывались линии связи, строились железные

и шоссейные дороги. Достаточно сказать, что ни одна железнодорожная колея между населенными пунктами, даже районного масштаба, не прокладывалась без согласования с представителями немецкого Генерального штаба. Естественно, к 40-м гг. XX века многое изменилось – в военной стратегии и тактике ведения боевых действий, в применении сил и средств и т. д. Однако основа обороны Восточной Пруссии имела глубокие традиции, заложенные еще в XIX веке. Перед Второй мировой войной и в ходе ее шло соответствующее совершенствование боевых возможностей плацдарма, что нашло свое отражение в ходе боев за Восточную Пруссию в 1944–1945 гг.

Собственно, об этом говорят и документы, составленные официальными немецкими чиновниками. Вот как описывает последние предвоенные дни один из очевидцев этих событий – президент Верховного окружного суда провинции: «Стало абсолютно ясным то, что война с Россией неизбежна, если только не случится чудо. *Вся Восточная Пруссия превратилась в один большой военный лагерь* (курсив мой. – Г. К.).

Неделю назад в Мемеле была произведена посадка на суда войск, направляемых в Финляндию. 18 июня 1941 г. началась добровольная эвакуация из Мемеля женщин и детей. Большинство из них покинуло город...

19 и 20 июня я посетил Сувалки, лежащие в 30 км севернее Сейны (8–9 км до русской границы). В том, что один из ударов будет нанесен отсюда, не было никаких сомнений. Войска всех родов, самолеты, боеприпасы были сконцентрированы у границы в невероятных количествах» [172, S. 152–153].

Война вскоре ушла от границ Восточной Пруссии. Однако с первых ее дней провинция, крупные города, другие населенные пункты продолжали жить духом войны. Это ощущалось повсеместно: различные командные пункты, лазареты и госпитальные подразделения, части обслуживания и обеспечения создавали полноту картины военного времени.

Первые ростки тревоги среди населения провинции появились к осени 1941 г. Стало ясно, что эта война в корне отличается от остальных, так блестяще выигранных вермахтом. Тяжелые бои на Восточном фронте в июле – августе и большое количество раненых показали, что война с СССР затягивается, в 1941 г. она вряд ли закончится, а когда в войну вступят союзники, то немцам придется особенно тяжело. Еще большие изменения в настроении населения провинции произошли после поражения немецких войск под Москвой. В Кенигсберге в это время появилось большое количество не просто раненых солдат и офицеров вермахта, но и пострадавших от обморожения.

1942 г. стал переломным в изменении отношения местного населения к войне. Возможно, что особенно в этом сказывалась относительная близость к фронту. Но как бы там ни было, обстановка в прусских городах и селах начала явно меняться к худшему и приобретать признаки беспокойного ожидания и растерянности.

Однако первый удар по военизированной провинции, а именно по Кенигсбергу, нанесла не Красная армия, а английская авиация в ночи с 26 на 27 августа и с 29 на 30 августа 1944 г. Авиационный удар был нанесен по жилым районам города, по его историческому центру, который, за исключением нескольких зданий, практически был полностью уничтожен. Одно из первых подробных донесений о результатах этих бомбардировок 9 сентября 1944 г. сообщает: «Территория сильных разрушений составляет в диаметре около 3 км. По официальной оценке, на город было сброшено около 40 тысяч 13-килограммовых бомб и около 500 бомб среднего калибра. Обнаружено уже 840 убитых, около 1000 человек остались, вероятно, засыпанными в их домах. 130–150 тысяч человек остались без крова (население Кенигсберга, включая дальние пригороды, насчитывает около 360 тысяч человек). Таким образом, можно говорить о том, что более половины жителей собственно Кенигсберга пострадали от бомбардировки. Торговые точки по продаже текстильных товаров, обуви, стекла, фарфора уничтожены на 90%, город потерял 60% складских помещений. Из зданий, принадлежавших органам управления и раз-

личным учреждениям, сильно пострадали здания оберпрезидиума, правительства, районного управления, имперского банка, биржи, Немецкого банка, Дрезденского банка, городской сберкассы, девяти церквей, в том числе собора с могилой Канта и замковой церкви, университета, замка со всеми его музеями и Верховным судом, оперного театра и старого университета». Впрочем, точное число потерь от этих бомбежек так и не было установлено. УЛЯша можно найти цифры 2400 убитых и 150 000 оставшихся без крова, Гаузе сообщает о 4200 погибших и 200 000 оставшихся без крова, Глински и Верстер доводят цифру погибших до 5000 [см., напр.: 42, с. 254; 46, с. 104].

К этому времени советским войскам до Кенигсберга оставалось преодолеть еще не менее 200 км.

В августе 1944 г., завершая операцию «Багратион», пройдя с боями Белоруссию и Литву, войска Красной армии вышли на подступы к границе Германии. Против группировки немецких войск, сосредоточенной в Восточной Пруссии, предстояло действовать войскам 1-го Прибалтийского, 2-го и 3-го Белорусских фронтов.

Объективно обеим сторонам требовалась передышка. За два месяца непрерывных боев советские войска продвинулись на 550-600 км на запад. Войска нуждались в отдыхе, пополнении личным составом, техникой, вооружением и боеприпасами. Учитывая то обстоятельство, что последующие боевые действия предстояло вести на территории противника, длительное время подготавливаемой к обороне.

В критической ситуации оказалось гитлеровское командование. Летом 1944 г. немецкие войска потерпели сокрушительное поражение на востоке. В том числе были разгромлены главные силы группы армий «Центр», прикрывавшей основные направления наступления советских войск в центральные и северные районы Германии. Была разгромлена и значительная часть группы армий «Север», а сохранившие боеспособность дивизии вермахта были вытеснены советскими войсками в Курляндию.

Ситуация для противника сложилась таким образом, что в полосе фронта в общем направлении на Кенигсберг шириной более 200 км немецкие войска смогли противопоставить войскам Красной армии только 12 пехотных дивизий 3-й танковой и 4-й армий, не считая средств усиления и других отдельных частей и подразделений. В данный момент это позволяло вермахту прикрыть самое опасное операционное направление на востоке – гумбинненско-инстербургское. Но «надежность» была условной. Дело в том, что, как справедливо указывал впоследствии командующий 11-й гвардейской армией генерал-полковник К. Н. Галицкий, почти все силы противника были равномерно распределены по фронту в одном эшелоне. Не пришедшие в себя после поражения в Белоруссии немецкие войска физически не могли создать хоть какие-то оперативные резервы. Немецкое командование всерьез рассчитывало на развитую сеть шоссеино-грунтовых и железных дорог, посредством которых оно могло быстро перебросить в район возможного прорыва своего фронта войска, расположенные на значительном удалении от него. Широкая аэродромная сеть позволяла противнику даже при недостаточном числе боевых самолетов сосредоточивать на нужном направлении значительные силы авиации с аэродромов Тильзита, Инстербурга, Гердауэна, Летцена и даже Кенигсберга [37, с. 6].

Итак, обе воюющие стороны в конце августа – начале сентября нуждались в оперативной паузе.

Августовско-сентябрьское затишье было условным. Бои фронтового значения продолжались как на основном направлении в Восточную Пруссию: Вилкавишки – Вирбалис – Эйдткунен – Шталлупенен, так и на других направлениях *(следует иметь в виду, что в 1938 г. в Восточной Пруссии прошла кампания переименования топонимов. В частности, многие населенные пункты на границе с Литвой были до этого литуанизированы. В результате переименования Пилькаллен стал Шлоссбергом, Эйдткунен – Эйдткау, Шталлупенен – Эбепроде, Шилленен – Шильфельде, Лазденен – Хассельбергом и т.д. В немецких боевых доку-*

ментах использовались, как правило, новые названия. Эта традиция сохранилась и в современной немецкой литературе. В то же время в документах Красной армии использовались старые названия немецких населенных пунктов. Соответственно, эта традиция сохраняется и в современной российской литературе. — **Г. К.Ж.** Наконец, 5 октября 1944 г. войска 1-го Прибалтийского фронта (командующий фронтом генерал армии И. Х. Баграмян) начали наступление на мемельском направлении с целью прорыва к побережью Балтийского моря. Этим наступлением предусматривалось отрезать в Курляндии группу армий «Север», лишив ее связи с группой армий «Центр».

Решение этой задачи обеспечивало в последующем разгром обеих групп по частям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.